

перевода. Но это не так. Сатирические выпады против него в журналах 1769—1770 гг. содержат упреки только в нарушении языковых норм, в непочтительном отношении к литературным авторитетам (А. П. Сумарокову), в неспособности стать оригинальным автором [7, с. XVI—XLV].

В полемических предисловиях к своим переводам Лукин писал, что его возмущает «странный вкус» тех, кто не только в переводных комедиях сохраняет национальную специфику в именах действующих лиц, в речениях и делах, но «и в подлинных то же видеть желает». Упрек адресован А. П. Сумарокову, в комедии которого («Тресотиниус») русский подъячий подобно французскому нотариусу оформляет брачный контракт [5, с. 118—119]. В переводных, т. е. не склоненных на наши нравы, пьесах Лукина отталкивала непоследовательность переводчиков, допускаящих «иногда русский, иногда французский, а иногда обоих народов характеры» [5, с. 112]. Положительная часть программы излагалась лишь в общих чертах. В ПСНН необходимо, во-первых, дать персонажам русские имена и перенести место действия в Россию. При этом нужно следить, чтобы в репликах петербургского жителя не мелькали упоминания о том, что он находится во Франции. Во-вторых, следовало провести социальную переоценку персонажей, например наемному слуге французской комедии в русской будет соответствовать слуга из крепостных. В-третьих, с учетом национальной специфики поведения следует изменить характер героев пьесы: «Старик французский не будет хорош в русском переводе... ежели переводчик слово в слово переводить станет» [5, с. 116]. Интересны следующие наблюдения: «Тамошние слуги и служанки будут часто нашими петиметрами и кокетками, а иногда те и другие наиученейшими из господ и госпож наших». И далее: «Они нередко, в французских комедиях философствуют, к чему наши неудобны» [5, с. 117].

ПСНН затрагивал и языковой аспект. Лукин обращал внимание на национальное своеобразие французских «шутки и острых слов, ...которые не только не остры, но и вздорны будут, если их переведешь словесно, а не заменишь своими; а если заменишь, то уже будет тогда вольный перевод» [5, с. 116]. Так, слово «педант» с комическим коннотативным значением во французском языке теряет этот оттенок значения в русском. Во Франции «знают почти все граждане о педантах», а у нас многие «не знают истинному слову „педант“ понятия» «и того не ведают, что в нем смеху достойно» [5, с. 117]. Этот пример интересен еще и тем, что затрагивает вопрос о передаче прагматического значения слова.

Концепция ПСНН в изложении Лукина была направлена против точных переводов, но «от противного» она вовлекала в теоретическое рассмотрение такие явления, которые были очень важны именно для перевода, это 1) фактор глубокого различия контактирующих культур, 2) фактор несовпадения фоновых знаний у носителей ИЯ и ПЯ, 3) фактор несовпадения стилистических норм этих языков. Правда, пока каждая проблема затрагивалась в узком аспекте: несовпадение социального престижа и сферы деятельности у представителей одинаковых сословий и профессий, различие национальных норм поведения, специфика словесного юмора в двух языках. Но в сущности здесь были затронуты принципиальные вопросы. В переводе был выделен аспект, который сейчас принято называть интерпретацией, где перевод осуществляется не через систему соответствий между ИЯ и ПЯ, а через обращение к внеязыковой деятельности. Конечно, практические варианты предлагаемых интерпретаций редко оказывались удачными, но направление поисков (выход за пределы переводимого текста) было найдено правильно.

В многочисленных переложениях, появлявшихся в 60—70-е годы XVIII в., приемы склонения на наши нравы почти не меняются. Одни приближали разговоры и пословицы «к свойству Российскому» [8, (с. 3)], другие устраняли малопривычные шутки.

Новое слово в теории ПСНН было сказано известным литературным деятелем и переводчиком А. Ф. Лабзиным (1766—1825). Свое понимание проблемы он изложил в предисловии к переводу драмы Мерсье «Беглец» (1788). Лабзин признал, что в переводе «отступал» и «удалялся» от оригинала, но лишь с той